
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ IV. Тифлисъ 1884.

Представляя краткій отчетъ о 4-мъ выпускѣ этого кавказскаго изданія, мы съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что благая мысль управленія Кавказскаго учебнаго округа—издавать повременные сборники этнографическихъ и географическихъ матеріаловъ—нашла себѣ соотрудниковъ въ самыхъ различныхъ уголкахъ Кавказа. Каждый новый выпускъ приноситъ много цѣннаго и добросовѣстно собраннаго матеріала, и изданіе постепенно выигрываетъ въ интересѣ и разнообразіи содержанія.

Новый выпускъ открывается обширнымъ трудомъ г. К. Гана: „Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“, содержащимъ въ себѣ, въ русскомъ переводѣ, выдержки болѣе чѣмъ изъ ста древнихъ писателей, сообщающихъ какія бы то ни было географическія, этнографическія и историческія свѣдѣнія о Кавказѣ. Трудъ обнимаетъ въ хронологическомъ порядкѣ приблизительно пятнадцать столѣтій, начиная съ Гомера и кончая писателями V вѣка по Р. Х. Обѣщанная г. Ганомъ вторая часть этого труда будетъ заключать въ себѣ, главнымъ образомъ, византійскихъ писателей. Упомянувъ о томъ, какъ Шлиманнъ, руководясь Гомеромъ, открылъ остатки древней Трои, и какъ открытіе Серапеума было сдѣлано Мариеттгъ-беємъ по указаніямъ Страбона, переводчикъ справедливо замѣчаетъ, „что разборъ свѣдѣній древнихъ писателей о Кавказѣ можетъ привести и насъ на то или другое открытіе, важное въ археологическомъ или этнографическомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ

писателей были въ здѣшнемъ краѣ и писали о томъ, что сами видѣли и слышали отъ туземцевъ. Кромѣ того, можно ожидать, что на извѣстныя уже древнія развалины и на другіе добытые археологическими раскопками памятники тѣ или другія мѣста у древнихъ писателей могутъ бросить новый свѣтъ“.

Предоставляя специалистамъ высказаться касательно точности переводовъ и полноты выдержекъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ г. Гана, считаемъ нелишнимъ отмѣтить здѣсь нѣкоторыя любопытныя черты быта, нравовъ и обычаевъ Кавказа, упоминаемыя классическими писателями, чтобы на этомъ показать, какой интересъ представляетъ для современнаго изслѣдователя Кавказа знакомство со свѣдѣніями, сообщаемыми о немъ классиками. Въ этихъ свѣдѣніяхъ найдетъ для себя много интереснаго и археологъ, и антропологъ, и этнографъ, и даже иногда естествоиспытатель.

Начнемъ съ извѣстнаго свидѣтельства Гиппократа о кавказскихъ Маурокефалахъ, которые, по Скилаксу Каріандецкому, жили гдѣ-то въ Бехейрами близъ гавани Псоронъ и Трапезонда (стр. 11), по Дионію, близъ гавани Хордуле и города Керасунта (Cerasus) (стр. 103), по Стефану Византійскому, — по сосѣдству съ Колхами (стр. 202). Про нихъ Гиппократъ говоритъ, что нѣтъ другаго народа, который имѣлъ бы подобную форму головы. Въ началѣ удлинненіе головы было дѣломъ обычая, теперь же природа содѣйствуетъ этой привычѣ, основанной на томъ предположеніи, что самыя благородныя — тѣ, у которыхъ голова самая длинная. Вотъ въ чемъ состоитъ этотъ обычай, продолжаетъ Гиппократъ: какъ только ребенокъ родится, пока еще тѣло его гибко, и головка еще не отвердѣла, ее выправляютъ руками, придають ей удлинненную форму посредствомъ разныхъ биндажей и другихъ приспособленій, вслѣдствіе чего она утрачиваетъ свою сферическую форму и растетъ въ длину.... Теперь такая форма головы болѣе не существуетъ у этого народа, потому что обычай этотъ исчезъ вслѣдствіе сношеній съ другими народами“. Нѣтъ основанія не вѣрить такому категорическому утвержденію Гиппократа о народѣ Маурокефалахъ. Но раскопки и даже современныя наблюденія показываютъ, что обычай, уже прекратившійся у одного изъ прикавказскихъ народовъ еще до Гиппократа (470—376 до Р. X.), продолжалъ существовать у нѣкоторыхъ другихъ кавказскихъ народовъ. Не говоря уже о деформированныхъ черепахъ въ самтаврскомъ могильникѣ близъ Мцхета, раскопанномъ г. Байерномъ въ 1872 и 1877 годахъ, деформация достигаетъ ужасныхъ размѣровъ на

черепахъ, найденныхъ нами въ 1883 г. въ могильникѣ близъ аула Озрокова на рѣкѣ Баксанѣ, слѣдовательно, по сю сторону Кавказа. Притомъ культура этихъ могилъ сравнительно довольно поздняя, такъ какъ въ нихъ находимы были монеты послѣднихъ Сассанидовъ и предметы изъ золота несомнѣнно византійской работы. Но слабыя степени деформациі, по словамъ Д. Н. Анучина ¹⁾, встрѣчаются и теперь у кавказскихъ народовъ, изъ коихъ многіе имѣютъ обычай крѣпко перевязывать головы младенцевъ. Такой обычай, какъ показываютъ данныя, собранныя докторомъ Е. А. Покровскимъ, существуетъ въ Тифлисскомъ, Ахалцхскомъ, Сигнахскомъ и Душетскомъ уѣздахъ, въ Рачинскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи, у грековъ на Палкѣ, въ Эриванскомъ уѣздѣ и другихъ мѣстностяхъ, а по свѣдѣніямъ, собраннымъ Д. Н. Анучинимъ, — и въ многихъ мѣстностяхъ Дагестана. Результатъ нѣкогда существовавшаго у предковъ обычая можно еще доселѣ видѣть на головахъ кабардинцевъ, которыя представляются часто значительно удлиненными вверхъ. Мы припоминаемъ, что когда туземцы осматривали вырытые нами деформированные черепа на Баксанѣ, они высказывали предположеніе, что это, вѣроятно, черепа кабардинцевъ. Какъ survival моды на высокіе лбы, можно указать и на обычай абхазцевъ, у которыхъ для увеличенія лба у дѣвушекъ сбиваютъ волосы на одинъ вершокъ отъ верхней части лба и къ бри-тому мѣсту (чтобъ оно не заростало) прикладываютъ еще не остывшее мясо только что убитой черной вороны ²⁾. Такимъ образомъ обычай, засвидѣтельствованный классическою древностью, до нѣкоторой степени сохраняется и теперь и оставилъ весьма яркіе слѣды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кавказа.

У древнихъ тибареновъ, кажется, извѣстныхъ еще ассирійцамъ и евреямъ подъ именемъ Тубаль, Аполлоній Родосскій (250—200 гг. до Р. Х.) засвидѣтельствовалъ существованіе любопытнаго обычая, извѣстнаго этнологамъ подъ французскимъ названіемъ *la souvade*. „У этого народа мужья, когда жены имъ рождаютъ дѣтей, ложатся въ постель и стонутъ съ завязанными головами, а жены ихъ въ то время хорошо вормятъ ихъ и устраиваютъ для нихъ купанье, назначенное послѣ родовъ“. Этотъ обычай, основанный на стремленіи нагляднымъ образомъ показать физическую связь между ребен-

¹⁾ См. его статью: «Допсторическая археологія Кавказа»—Ж. М. Н. Пр., часть ССХХХІ, отд. 2, стр. 236.

²⁾ См. статью г. *Мачаверіани* въ разсматриваемомъ Сборникѣ, отд. II, стр. 55.

комъ и его отцомъ, оказывается однимъ изъ широко распространенныхъ и въ древнія времена, и еще въ наши дни. Страбонъ (3,165) указываетъ его у испанскихъ иберовъ, и еще доселѣ у басковъ, которые считаются обыкновенно потомками этого племени; въ нѣкоторыхъ долинахъ Вискайи и Гвибузкоа немедленно послѣ родовъ роженица оставляетъ постель и смѣняется на ней мужемъ, который долженъ faire la souvade. Тотъ же обычай указываютъ на западномъ берегу Африки, въ Индіи на Малабарскомъ берегу, въ Мадрасѣ, на Молукскомъ архипелагѣ, въ южной Америкѣ и у др., а писатели древніе отмѣтили его на островѣ Корсикѣ (Диодоръ 5, 14) и Кипрѣ (Плутархъ, Thea. 20) ¹⁾. Въ виду того, что souvade несомнѣнно нѣкогда существовала въ Закавказьѣ, интересно было бы знать, не сохранилось ли въ современныхъ обрядахъ, соблюдаемыхъ при родинахъ, какаго-нибудь отголоска, который можно было бы приурочить къ этому обычаю.

Между похоронными обрядами древняго Кавказа интересенъ обычай колховъ, упоминаемый Аполлономъ Родосскимъ. „И теперь еще“, говоритъ этотъ писатель (стр. 49),—„считается у колховъ за преступленіе жечь трупы мужчинъ или даже зарывать ихъ въ землю и засыпать курганами; ихъ владутъ въ не обдѣланныя бычьи кожи и далеко за городомъ вѣшаютъ на деревья, но и земля получаетъ свое, какъ и воздухъ, ибо ей предаются трупы женщинъ“. Несомнѣнно, что этотъ обычай находится въ связи съ религиозными вѣрованіями этого сравнительно культурнаго народа; но о вѣрованіяхъ колховъ намъ извѣстно крайне мало. Есть глухое указаніе на то, что колхи почитали больше всего небо и землю (Нимфодоръ Сиракузскій). Можно далѣе заключить, что у нихъ существовалъ культъ солнца, такъ какъ царь Айэтъ былъ сыномъ Гелиоса (Диодоръ Сицилійскій). Но въ какой связи съ этими культами былъ обычай вѣшать трупы, притомъ только мужскіе, на деревья? Здѣсь возможны лишь догадки, которымъ едва ли будетъ суждено перейти на степень достовѣрности. Обращая вниманіе на слова Аполлонія, что жечь или хоронить трупъ считалось у колховъ грѣхомъ, нужно думать, что они прибѣгали къ вѣшанію труповъ во избѣжаніе оскверненія земли (черезъ погребеніе) и огня (черезъ сожженіе). Слѣдовательно, земля и огонь

¹⁾ См. объ этомъ обычаѣ: *Giraud Teulon*, La Mère, p. 37; *Les Origines de la famille*, p. 197 и слѣд.; *Tylor*, Early History of Mankind, p. 294; *Bastian* въ *Zeit. für Völkerpsych.*, V, p. 156—160.

считались у нихъ чистыми стихіями, какъ у послѣдователей Заратустры, а трупы—нечистыми. Этимъ же объясняется, что ихъ вѣшали высоко на деревьяхъ и притомъ далеко за городомъ, чтобы близость трупа не могла осквернить людей. Еще до сихъ поръ современные парсы въ Бомбей строятъ дахмы (башни для труповъ) за городомъ на возвышенныхъ мѣстахъ среди лѣса. Но трупъ можетъ осквернить и воздухъ, такъ же чистую стихію; во избѣжаніе этого трупъ зашивали въ бычью шкуру, такъ что не было непосредственнаго соприкосновенія его съ воздухомъ. Противъ такого объясненія, можно конечно, возразить, что въ обычай колковъ нѣтъ послѣдовательности, ибо они же хоронили трупы женщинъ, не боясь осквернить землю. Но такого же рода кажущаяся непослѣдовательность существуетъ и въ религіи Заратустры. Въ ней, какъ извѣстно, трупъ правовѣрнаго—маздайснійца—считается нечистымъ и оскверняющимъ природу, а трупъ язычника—не маздайснійца—нисколько не оскверняетъ природы. Это противорѣчіе объясняется дуалистическимъ взглядомъ на міръ, какъ на арену борьбы добра и зла, Ормузда и Аримана. Смерть правовѣрнаго и всякаго чистаго существа есть побѣда Аримана, и потому сейчасъ же по смерти въ трупъ входитъ одинъ изъ демоновъ Аримана друдъ Насушъ и оскверняетъ его. Смерть же иновѣрца, какъ и всякаго нечистаго существа, есть побѣда Ормузда, и потому такой трупъ не оскверняетъ природы. Прилагая подобное же заключеніе къ обычаямъ колковъ, нужно думать, что у нихъ существовалъ взглядъ на женщину, какъ на существо нечистое, несравненно болѣе низкое, чѣмъ мужчина, и потому женскіе трупы не могли осквернять земли. Можно было бы найти и у другихъ народовъ аналогіи подобному взгляду на женщинъ, но мы боимся уклониться въ сторону отъ отчета о разсматриваемомъ сборникѣ.

Подобный же взглядъ на трупъ, какъ на оскверняющій землю, существовалъ, по видимому, и у другаго народа Кавказа, у древнихъ каспійцевъ, которыхъ обычаи были впрочемъ гораздо грубѣе колхидскихъ. Страбонъ (стр. 78) сообщаетъ, что каспіи „морятъ стариковъ выше 70 лѣтъ голодомъ и потомъ выбрасываютъ ихъ въ пустыню; за ними наблюдаютъ издали и, если увидятъ, что птицы стаскиваютъ трупы ихъ съ мѣста, считаютъ ихъ блаженными, менѣе же блаженными считаютъ тѣхъ, которыхъ растаскиваютъ звѣри или собаки; если же не случится ни того, ни другаго, то такихъ считаютъ несчастными“. У другаго прикаспійскаго народа—массагетовъ—обычаи были еще страннѣе: стариковъ не только убивали, но и съѣдали

(Страбонъ). Значить, каспійцы, уже не съѣдавшіе стариковъ, а предоставлявшіе ихъ на съѣденіе птицамъ, сдѣлали шагъ впередъ. Однако, какъ ни грубъ обычай массагетовъ, можно ли объяснить этотъ каннибализмъ взглядомъ на человѣка, какъ на животное, годное въ пищу? Едва ли. Еслибъ у нихъ дѣйствительно было людоедство то, конечно, оно не укрылось бы отъ тѣхъ же писателей, которые отмѣтили эти исключительные случаи людоедства, какъ обряда. У настоящихъ людоедовъ, именно старики, какъ невкусное мясо, болѣе другихъ гарантированы отъ съѣденія. Очевидно, что, убивая и съѣдая своихъ престарѣлыхъ отцовъ, массагеты дѣйствовали согласно съ своими религиозными воззрѣніями, исполняли долгъ pietatis erga parentes, и такой же нравственный долгъ исполняли каспійцы, моря отцовъ голодомъ и затѣмъ считая ихъ блаженными, если птицы въ пустыни растащатъ ихъ трупы по кускамъ. Въ послѣдней чертѣ не трудно видѣть родство съ вѣрованіями послѣдователей Заратустры, которые и доселѣ предоставляютъ трупы въ дахмахъ на растерзаніе хищнымъ птицамъ. И у каспійцевъ, какъ, вѣроятно, у массагетовъ, на естественную смерть смотрѣли, какъ на побѣду злаго духа, вселяющагося въ человѣка и причиняющаго недугъ и смерть. Слѣдовательно, чтобы предотвратить это нападеніе злаго духа и оскверненіе человѣка, послѣдняго слѣдовало убить своимъ же приснымъ... Отмѣтимъ, что сдѣланныя г. Цилосани раскопки кургановъ близъ Дербента, кажется, подтверждаютъ существованіе обряда аналогическаго съ Маздаяснійскимъ въ этихъ мѣстахъ ¹⁾. И по видимому, обычай предоставлять трупъ птицамъ существовалъ на восточномъ Кавказѣ еще въ сравнительно позднее время. По крайней мѣрѣ арабскій писатель Абу-Хамидъ сообщаетъ про кубачинцевъ слѣдующее извѣстіе: „Если кто умираетъ, именно мужчина, то они отдаютъ его трупъ людямъ въ землянкахъ (домахъ подъ землею), которые расчленяютъ его и очищаютъ кости отъ мяса. Мясо складывается вмѣстѣ и отдается на съѣденіе воронамъ, при чемъ люди стоятъ по близости съ луками и наблюдаютъ, чтобъ мясо не было растащено другими птицами... Очищенные кости кладутся въ мѣшки, у богатыхъ—изъ вышитой золотомъ или греческой шелковой ткани, а у рабочихъ—изъ невнѣбленнаго холста. Они развѣшиваютъ эти мѣшки въ домахъ и на каждомъ мѣшкѣ обозначаютъ имя того, кому принадлежали

¹⁾ См. Л. Н. Майкова, Пятый археологическій съездъ въ Тбилисѣ, стр. 14.

кости¹⁾. Здѣсь детали обычая представляютъ еще большую близость съ парсійскими. Парсы также различаютъ мясо отъ костей и прикрѣпляютъ трупъ въ дахмѣ такимъ образомъ, чтобы птицы могли растащить только мясо и не разнести костей. Кости же, выбѣленные солнцемъ, уже не осеверняютъ, по ихъ понятіямъ, природы и остаются въ колодцѣ дахмы, то-есть, соприкасаются съ землею. „Пережитовъ“ подобнаго же вѣрованія случалось намъ лично видѣть въ осетинскихъ, сложенныхъ изъ камней, ингѣнахъ, небольшихъ изобразныхъ постройкахъ съ окномъ въ ширину человѣка. Осетины, въ былое время, клали трупъ на доску, вдвигали ее въ окно погребальной камеры и оставляли такимъ образомъ покойника на произволъ природы. Когда трупъ сгнивалъ, то вывѣтрившіяся кости уже сбрасывали съ доски внизъ на землю. Поэтому полы старыхъ ингѣновъ усыяны человѣческими костями. Такимъ образомъ, припоминая нѣкоторыя черты похоронныхъ обрядовъ, существовавшихъ на Кавказѣ — у колховъ, каспійцевъ, кубачинцевъ, осетинъ, можно придти къ заключенію, что въ нѣкоторыхъ частяхъ этой области нѣкогда существовали вѣрованія подобныя тѣмъ, которыя выразились въ похоронномъ обычаѣ парсовъ.

Изъ фактовъ, относящихся къ области народнаго эпоса, отмѣтимъ преданіе о рожденіи Діорфа, сообщаемое псевдо-Плутархомъ (стр. 157). „Миерасъ (*Miēras*) хотѣлъ имѣть сына; но такъ какъ онъ ненавидѣлъ женскій полъ, то пустилъ свое сѣмя на скалу, которая родила ему сына, по имени Діорфа. Въ цвѣтѣ молодости этотъ Діорфъ былъ убитъ Марсомъ, котораго онъ вызвалъ на состязаніе, послѣ чего былъ по предопредѣленію боговъ превращенъ въ гору носящую его имя“ (у рѣки Аракса). Упоминаемое здѣсь имя Миерасъ свидѣтельствуетъ о культѣ бога Миеры въ Закавказьѣ, въ Арменіи, о чемъ сохранились показанія армянскихъ историковъ²⁾. То, что здѣсь приписывается сыну Миеры Діорфу, приписывается въ нѣкоторыхъ древнихъ сказаніяхъ ему самому: онъ самъ рожденъ скалою (*Iustin. dial. с. Трурн., 70*), вслѣдствіе чего называется Петроуевъ (*Johann. Lydus de Mens., III, p. 43, ed. Bonn.*). Но для насъ интересно, что черты рожденія Діорфа или Миеры до сихъ поръ существуютъ въ кавказскихъ нартскихъ

¹⁾ Отчетъ о поѣздѣ въ Дагестанъ лѣтомъ 1882 г. *Д. Н. Ангушана*, стр. 47 и слѣд.

²⁾ Эгипше, Стефана Таронскаго, см. *Langlois, Collection d' hist. Armen. I, 168*; Стефанъ Таронскій, переводъ г. Эмина, стр. 272.

(богатырскихъ) сказаніяхъ. Такое же рожденіе изъ скалы приписывается у осетинъ нарту Батразу или Созрыко. О первомъ разказывается, что нѣкій пастухъ Тельвестъ, соблазвившись красотою недосягаемой для него Сатаны, стоявшей на противоположномъ берегу, пустилъ сѣмя на камень, внутри котораго затѣмъ развился зародышъ ¹⁾. О второмъ, говорится, что отцомъ его былъ богъ Уастырджі, совершившій тотъ же актъ и съ такимъ же результатомъ, какъ Миерасъ ²⁾. Судьба Діорфа, въ цвѣтѣ лѣтъ убитаго Марсомъ, вызваннымъ юношей на состязаніе, также напоминаетъ смерть Батраза: онъ вызвалъ на бой небесныхъ духовъ и былъ убитъ по соизволенію бога, который затѣмъ его оплакиваетъ ³⁾. Эти аналогіи между Миерой, Діорфомъ, Батразомъ и Созрыко показываютъ, въ какую сѣдую старину восходятъ нѣкоторыя черты кавказскаго эпоса.

Интересующіеся вещественною археологіей Кавказа найдутъ въ сборникѣ г. Гана цѣлый рядъ любопытныхъ указаній. Сюда относятся, напримѣръ, указанія на древніе храмы, статуи, города (см. стр. 56, 57, 65, 71, 97 и друг.) и на торговыя сношенія припонтійскихъ городовъ съ кавказскими народами. Нѣкоторые изъ послѣднихъ свидѣтельствъ объясняютъ намъ находеніе въ кавказскихъ могилахъ не только греческихъ и римскихъ, но даже египетскихъ предметовъ, заходившихъ путемъ торговли въ захолустья кавказскихъ ущелій, напримѣръ, на рѣкахъ Чегемѣ и Баксанѣ. Нѣсколько любопытныхъ указаній на древнюю кавказскую фауну и флору найдется въ сборникѣ и для естествоиспытателя. Отмѣтимъ одно, которое, можетъ быть, пригодится для палеонтологовъ. „Ѳеопомпъ изъ Синопы говоритъ въ своей книгѣ „о землетрясеніяхъ“, что во время одного внезапнаго землетрясенія въ Киммерійскомъ Босфорѣ одинъ холмъ лопнулъ и извергъ кости необыкновенныхъ размѣровъ, и что весь скелетъ достигалъ величины 25 локтей. Живущіе въ окрестностяхъ варвары бросили эти кости въ Меотійское озеро“ (стр. 212). Вѣроятно, этотъ скелетъ принадлежалъ какому-нибудь крупному представителю допотопной фауны. Кости слона были найдены не такъ далеко отъ этихъ мѣстъ на рѣкѣ Малкѣ ⁴⁾.

Этимъ мы закончимъ наши экскурсы по поводу сборника г. Гана. Не касаясь достоинствъ и недостатковъ самаго перевода

¹⁾ См. Сбор. свѣд. о Кавказѣ, I, 172.

²⁾ См. наши Осет. Этюды, т. I, стр. 29.

³⁾ См. Осет. Этюды I, стр. 10, 25.

⁴⁾ Одна изъ нихъ хранится въ г. Нальчикѣ въ горской школѣ.

замѣтимъ только, что передача греческихъ мѣръ русскими представляетъ значительное неудобство. Напримѣръ, въ описаніи халибовъ (изъ Ксенофонта) мы читаемъ съ удивленіемъ, что „копья ихъ были длиною въ 15 греческихъ аршинъ“ и недоумѣваемъ, какъ халибы могли дѣйствовать этими 5-ти-саженными инструментами. Положимъ, что въ переводѣ аршины названы греческими, но естественно является мысль, что, вѣроятно, переводчикъ передаетъ греческимъ аршиномъ какую-нибудь греческую мѣру, всё же приближающуюся къ нашему аршину. Между тѣмъ въ греческомъ подлинникѣ стоитъ слово Πῦχος, которое обычно и наиболее правильно передается словомъ локоть, то-есть, разстояніе отъ локти до оконечности средняго пальца. Почему же понадобился другой переводъ?..

За трудомъ г. Гана слѣдуетъ програмное описаніе города Темрюка, составленное г. Арканниковымъ, и болѣе подробная статья г. Эйвазова подъ заглавіемъ: Нѣкоторыя свѣдѣнія о селѣ Койласарѣ и объ Айсорахъ. Село Койласаръ находится въ Гарнибасарскомъ участкѣ Эриванскаго уѣзда. До русско-персидской войны 1827 г. въ немъ жили татары, затѣмъ въ немъ поселились несторианскіе христіане айсоры, оставившіе навсегда Персію вслѣдствіе испытанныхъ притѣсненій. Въ настоящее время айсоры (числомъ 444 души) присоединены къ православію. Они сами называютъ себя сиро-халдеями, а сосѣдніе народы называютъ ихъ айсорами или асорами, персы же—назранами. Последнее названіе дано айсорамъ въ первое время принятія ими ученія Іисуса Назарета. Еще до сихъ поръ койласарскіе айсоры сохранили свой древній сиро-халдейскій діалектъ, въ сношеніяхъ же съ другими національностями пользуются татарскимъ языкомъ, который здѣсь знаютъ всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины. Айсоры сохраняютъ и свои старыя богослужебныя книги, написанныя на древнемъ сиро-халдейскомъ языкѣ, который значительно различается отъ разговорнаго. Къ статьѣ г. Эйвазова приложена айсорская (сиро-халдейская) азбука съ названіями буквъ и образчиками письма. Замѣтимъ, что для семитологовъ еще большее значеніе, чѣмъ древніе богослужебные тексты, сохранившіеся у айсоровъ, имѣло бы изученіе разговорнаго, обиходнаго нарѣчія айсоровъ, и что г. Эйвазовъ оказалъ бы несомнѣнную услугу семитологамъ, еслибы записалъ нѣсколько образчиковъ этого нарѣчія, но не айсорскою азбукою, не выполнѣ удовлетворительною для передачи всѣхъ звуковъ языка, а какою-нибудь транскрипціей, съ точнымъ

обозначеніемъ произношенія каждой буквы. Для этой цѣли пригоденъ и русскій, и латинскій алфавитъ, съ нѣкоторыми дополненіями и приспособленіями. Что касается устной словесности айсоровъ, то, по словамъ г. Эйвазова, она очень бѣдна: „Переселившись изъ Персіи и размѣстившись между татарами и армянами, айсоры въ значительной степени забыли свою старину, свои прежніе обычаи, легенды, миѣы, пословицы, поговорки, сказки, даже свои національныя пѣсни, а въ замѣнъ ихъ усвоили татарскія пѣсни, легенды, сказки и преданія“. Такимъ образомъ, съ этой стороны, отъ нихъ нельзя ожидать большой поживы для науки, и тѣмъ болѣе желательно было бы изученіе ихъ со стороны лингвистической. Впрочемъ въ трудѣ г. Эйвазова сообщаются нѣкоторыя айсорскія пословицы, загадки, нѣкоторыя любопытныя суевѣрія, напримѣръ, праздникъ въ честь царя змѣй Маріймаму (6-го іюля) и въ честь ословъ (3-го августа), вѣрованія въ злыхъ духовъ женскаго пола, живущихъ въ клѣвахъ, а также описаніе обрядовъ, сопровождающихъ свадьбу, рожденіе дѣтей, похороны, поминки и т. п.

Нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ аварскихъ преданіяхъ и обрядахъ сообщаетъ слѣдующая статья, г. Барсова, объ аулѣ Чохъ. Подъ тонкимъ слоемъ мусульманства, здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Кавказа, еще сохранились языческіе вѣрованія и обряды, какъ, напримѣръ, купаніе муллы въ водѣ для испрошенія дождя, обвѣщиваніе деревьевъ лоскутами матеріи, обсыпаніе муллы землею съ цѣлью произвести урожай пшеницы и т. п. Изъ приложенныхъ къ статьѣ пѣсенъ одна — Герги и Панусъ — особенно ярко характеризуетъ героическіе нравы горцевъ недавняго прошлаго. Мать ждетъ сына, отправившагося на походы. „Я входила въ домъ и выходила, пока погасъ день; вечеромъ, вышедши на встрѣчу, вижу — никогда не гнувшій колѣнъ молодецъ идетъ, вмѣсто шашки, на палку опираясь; на немъ андійская бурка, прибрѣтенная за корову; на подолѣ ея висятъ кровяныя кацли. Чтобъ узнать, что такое, я на грудь посмотрѣла: змѣинныя дыры на серебряной груди Герги. „Не говорила ли, Герги, я тебѣ, чтобы ты къ стаду не ходилъ, что тамъ ты засаду найдешь?“ „Не упрекай меня, мать, иди дорогой: пусть Богъ меня судить“. Мать пошла впередъ, Герги сталъ отставать. „Постели, мать, постель, чтобы лечь умереть. И вотъ мое завѣщаніе: одежду своего Герги надѣнь, навѣсь оружіе; въ моемъ хурасанѣ (шапкѣ) на крышу взойди и протанцуй, чтобъ враги не радовались, говоря: Герги умеръ“. Взшла, вижу: толпятся враги, убившіе сына, и между ними

Панусъ. „На головѣ хурасанъ, ей Богу, Гергіевъ (говорить Панусъ), но подъ нимъ лицо материна; сверху одѣто серебряное оружіе, ей Богу, Гергіеву; а подъ нимъ тѣло матери. Эй, Герги, если ты выльчишься отъ этой раны, то дамъ тебѣ коня, въ жены тебѣ дочку дамъ и уснуволю тебя“. Когда съ крыши я сошла, твои глаза, наводившіе страхъ, закрылись: насталъ день смерти. Твои камышяные пальцы, отворявшіе даже желѣзные запоры, сжались, когда изъ тѣла взяли душу“.

За нѣсколькими дагестанскими преданіями (сообщенными г. Дебировымъ), слѣдуетъ описаніе взятія Эривани, сдѣланное по разказамъ старожиловъ г. Шульгинимъ. Не остававливаясь на разказѣ, представляющемъ нѣкоторыя интересныя подробности, отмѣтимъ, что, по словамъ г. Шульгина, въ народной памяти отъ этой эпохи уцѣлѣло имя абрега Агаси, который, изъ мести персидскому сардару, взявшему въ свой гаремъ его невѣсту, указалъ Паскевичу слабо укрѣпленныя мѣста Эривани. Узнавъ объ этомъ, сардаръ посадилъ въ тюрьму остававшагося въ Эривани отца Агаси и отдалъ приказъ часовымъ убить и сына и отца, если только одинъ попытается освободить узника, а другой—бѣжать. вмѣстѣ съ первыми русскими солдатами перескочилъ Агаси черезъ стѣну и, конечно, тотчасъ бросился къ тюрмѣ. Часовые, не покинувшіе еще своихъ мѣстъ, успѣли исполнить приказаніе сардара: они убили Агаси и его отца. Г. Шульгинъ говоритъ, что объ Агаси сложились народныя пѣсни, имѣющія много общаго съ юнацкими пѣснями Сербовъ, что отъ этой поэтической личности вѣдетъ тою же изящною простотой, которая служитъ отличительнымъ свойствомъ народнаго эпоса. Остается пожалѣть, что г. Шульгинъ не представилъ пѣсни объ этомъ героѣ въ русскомъ переводѣ или хоть въ изложеніи ¹⁾.

¹⁾ Въ концѣ статьи, упоминая о томъ, что послѣ взятія крѣпости въ зеркальномъ залѣ сардарскаго дворца русскіе офицеры въ 1828 году разыграли, между прочимъ, «Горе отъ ума», г. Шульгинъ прибавляетъ въ видѣ предположенія: «*Быть можетъ*, авторъ присутствовалъ на спектаклѣ, такъ какъ въ это время онъ состоялъ, какъ знатокъ обычаевъ персіянъ, при Паскевичѣ». Что Грибоѣдовъ присутствовалъ при исполненіи въ Эривани своей комедіи, это не предположеніе, а фактъ вполне засвидѣтельствованный. Спектакли были устраиваемы начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи Аванасъ-Ив. Красовскимъ. Въ проздѣ изъ Тавриза чрезъ Эривань Грибоѣдова просили посвятить спектакль и высказаться обо всемъ, что замѣтитъ онъ удачнаго и неудачнаго въ исполненіи своей комедіи. См. *Русскій Архивъ*, 1874, стр. 1565.

Слѣдующая статья—о положеніи женщины въ Абхазіи, написана г. К. Мачаваріани, представляетъ значительный этнографическій интересъ и отличается прекраснымъ изложеніемъ. Авторъ въ живомъ разказѣ представляетъ намъ жизнь абхазскихъ женщинъ привилегированнаго и простаго званія, и слѣдитъ за этою исторіей женской жизни отъ колыбели до могилы, при чемъ знакомитъ насъ съ разными сторонами абхазскаго быта. Всюду въ изложеніи сказывается въ авторѣ отличный наблюдатель и знатокъ абхазской народности: это не случайно набранныя этнографическія черты, а свѣдѣнія, приобретенныя долгимъ пребываніемъ среди народа. Передъ нами проходить рядъ картинъ изъ абхазской жизни: поведеніе беременной княгини, рожденіе княжны, отдача на воспитаніе въ чужой аулъ, отношеніе кормилицы и ея родственниковъ къ ребенку, воспитаніе княжны и обученіе ея всѣмъ правиламъ абхазскаго этикета, возвращеніе воспитанницы въ родительскій домъ, абхазскія празднества, на которыхъ присутствуютъ и дѣвушки, выходъ замужъ съ умыканіемъ, жизнь въ семьѣ мужа и т. д. При этомъ постоянно мы знакомимся съ абхазскими понятіями, взглядомъ на женщину, обычаями, обрядами, суевѣріями, со всѣмъ складомъ этой средневѣковой жизни. Характерно благословеніе, которое произноситъ мать, отдавая сыну первое вооруженіе: „Дай, Господи, тебѣ здоровья и успѣха во всѣхъ воровствахъ. Старайся заслужить уваженіе односельцевъ и не забывай ни меня, ни твоихъ родныхъ въ случаѣ благопріятнаго исхода дѣла во время твоихъ ночныхъ походовъ“. Давая такое благословеніе, абхазская мать повторяетъ лишь тѣ уроки, которые сама видѣла вокругъ себя въ дѣтствѣ. Ея воспитательница старалась выработать въ ней рѣшительный и энергичный характеръ, искусство говорить красно, находчивость. Она сама училась владѣть холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ—умѣнье совершенно необходимое въ виду того, что абхазцы, отправляясь на грабежъ и разбой, часто оставляютъ свои семьи на продолжительное время, и женщины должны умѣть защищаться въ случаѣ какогонибудь нападенія; иногда-же женщины сопровождаютъ и сами мужей въ ихъ ночныхъ походахъ. Умѣнье красно говорить пригодится ей въ томъ случаѣ, когда ей на сходкѣ придется защищать свои интересы или интересы отсутствующаго мужа, а иногда, въ случаѣ разрыва съ мужемъ, отстаивать свои права. И она сумѣетъ постоять за себя. По словамъ г. Мачаваріани, на сходкѣ ее встрѣчаютъ съ уваженіемъ. „Выпрямившись во всю ростъ, княгиня старается наэлектризовать публику и судей и ос-

торожно разсыпаетъ похвалы направо и налѣво. Когда она замѣчаетъ въ народѣ сочувствіе къ себѣ, и судьи не смотря на землю, что было-бы дурнымъ для нея предзнаменованіемъ, то княгиня переходитъ къ своему дѣлу, давая возможность говорить и противной сторонѣ. Она представляетъ разныя доказательства, доводы и ссылается на свидѣтелей. Она знаетъ, какъ говорить и не забываетъ ни одной мельчайшей подробности въ защиту своего интереса". Не имѣя возможности остановиться дольше на прекрасномъ очеркѣ г. Мачавариани, отмѣтимъ одинъ фактъ крайне любопытный для изслѣдователей воспитанія дѣтей у разныхъ народовъ (напримѣръ, Плоса, д-ра Покровскаго и друг.). Ребенокъ кормится молокомъ кормилицы до трехъ, пяти и даже до семи лѣтъ! Есть, по словамъ автора, воспитанники въ Сухумской горской школѣ, которые хорошо помнятъ, когда они сосали грудь кормилицы! Интересно было бы знать взглядъ медиковъ-специалистовъ на этотъ обычай и его послѣдствія.

Пѣсни станицы Новоминской, Ейскаго уѣзда Кубанской области, собранныя г. Кирилловымъ, только по административному дѣленію принадлежатъ Кавказскому краю. Въ дѣйствительности населеніе этой станицы, вышедшее изъ Малороссіи, принесло съ собою въ новыя мѣста старыя пѣсни—историческія, чумацкія, казацкія-военныя и т. п. и продолжаетъ на Кавказѣ поминать Сичь (Сѣчь), Донъ, Запоріiske вѣйско, Дунай, чумаковъ, явір, калиновку и т. п. атрибуты малорусскихъ пѣсенъ. Нѣкоторыя представляютъ варианты пѣсенъ уже изданныхъ.

Послѣдняя статья 4-го выпуска „Матеріаловъ“ представляетъ литературный разборъ знаменитой грузинской поэмы „Барсова кожа“. Авторъ, г. Гулакъ, говоритъ о времени написанія этой поэмы, о ея авторѣ Шота Руставели, о судьбѣ текста, искаженіяхъ и исправленіяхъ, о внѣшней формѣ поэмы, о стихосложеніи, даетъ характеристику дѣйствующихъ лицъ и т. д. Хотя, по заявленію самого Руставели, сюжетъ его поэмы взятъ изъ персидскаго, и онъ переложилъ его стихами, „не сокращая и не умаляя рѣчи“, однако до сихъ поръ не найденъ въ персидской литературѣ прототипъ ея; авторъ раздѣляетъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что слова поэта только уловка, сдѣланная имъ съ цѣлью отвести глаза современникамъ, такъ какъ главною его цѣлью было прославленіе обожаемой имъ царицы Тамары. По характеру произведенія, г. Гулакъ ставитъ его въ рядъ искусственныхъ поэмъ или романтическихъ эпоей въ духѣ поэмъ Аріоста. Первый толчекъ къ ея написанію дала царица Та-

мара, которая, по словамъ поэта, „приказала ему ее прославлять сладкими стихами, восхвалять ея брови, рѣсницы, кудри, уста рубины и зубы - жемчужицы“. Главное содержаніе поэмы — любовныя похождения, романтическія приключенія, битвы, скитанія по разнымъ полу-фантастическимъ странамъ и т. п. Что касается характеристикъ дѣйствующихъ лицъ, то въ статьѣ г. Гулака онѣ не отличаются достаточною детальностью. Трудно составить себѣ понятіе и о художественномъ достоинствѣ поэмы, которое авторъ ставитъ такъ высоко. Въ виду того, что статья г. Гулака имѣетъ цѣлью познакомить съ великимъ произведеніемъ грузинской литературы русское общество, имѣющее о немъ самое смутное представленіе, напрасно онъ попытка на выдержки нѣкоторыхъ лучшихъ мѣстъ поэмы. Желательно было бы также освѣтить поэму съ исторической стороны, показать ея связь съ грузинскою жизнью, бытомъ, нравами, историческими событіями XII вѣка. Но во всякомъ случаѣ статья г. Гулака даетъ нѣкоторое понятіе о поэмѣ и, представляя, кажется, первую попытку къ рѣшенію нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ, являющихся при изученіи Шота Руставели, заслуживаетъ всякаго вниманія.

Всев. Миллеръ.
